

Докшит Белого движения

Если бы барон Унгерн осуществил свои замыслы, в России сейчас, возможно, были бы не области, а аймаки.

Ворота монастыря Эрдэни-Дзу — старейшего буддийского монастыря в Монголии (1585). Голубой цвет в буддизме символизирует небо, вечность и постоянство. Именно такого цвета была униформа унгерновцев.

29 декабря исполняется 124 года со дня рождения барона Романа Унгерна фон Штернберга (1885–1921) — русского офицера, знаменитого участника Белого движения. Историки оценивают его деятельность по-разному, зачастую негативно. Но никто не сомневается — жизнь барона представляет собой замечательный пример «всепримиримости» русского характера, о которой говорил еще Федор Достоевский (1821–1881). Но писатель имел в виду возможность синтеза русских патриархальных ценностей с духовными достижениями западной культуры, а Унгерн предложил восточную альтернативу.

Спаситель восьмого Богдо-гэгэна

В один из последних дней января 1921 года в Ургу, столицу Монголии (современный Улан-Батор), въехал необычный всадник. Породистая белая кобыла везла на себе европейца в ярко-вишневом монгольском халате и белой папахе с кокардой царской армии. Гость не спешил, он медленно двигался по безлюдным, как будто вымершим улицам, усыпанным серым щебнем. Два месяца назад в город вошел китайский экспедиционный корпус генерала Сюй Шучжэна — был введен комендантский час, начались аресты и расстрелы. Среди заключенных оказался и монгольский первосвященник — Джебцзун-Дамба-хутухта, восьмой Богдо-гэгэн, считавшийся реинкарнацией самого Будды. Такова была месть Пекина монголам, осмелившимся провозгласить автономию от Поднебесной.

Как это часто бывало в китайской армии, расквартированным в городе солдатам долго не платили жалования, и бойцы Сюй Шучжэна регулярно устраивали грабежи и конфискации. Перепуганным монголам оставалось только забиться вглубь своих жилищ, подальше от дверей и окон, лишь бы не привлекать внимания китайских патрулей. Но всадника на белой кобыле, казалось, это вовсе не беспокоило. Он доехал до дома городского наместника Чэн И, спешил, внимательно осмотрел двор и, как ни в чем не бывало, поехал обратно. Проезжая мимо тюрьмы, он наткнулся на спящего часового. «Ах ты собака! Как смеешь спать на посту!», — крикнул он по-китайски, обрушив на голову несчастного удары своего ташура — полторааршинной камышовой трости. Бедняга долго не мог отойти от шока, а когда поднял тревогу, всадник давно скрылся.

Незванным гостем был как раз барон Унгерн. Ведомая им Азиатская конная дивизия окружила монгольскую столицу, желая выбить оттуда китайцев, свергнувших своего императора. Также было необходимо освободить русских эмигрантов, арестованных солдатами Сюй Шучжэна. 31 января 1921 года окрестные сопки услышали громкое «Ура!». Бой шел несколько дней. Перекинувшись на улицы города, он превратился в настоящую мельницу смерти: в ход шли гранаты, штыки и сабли. Пространства между домами были залиты лужами крови,

в которых валялись разрубленные или разорванные тела. Но удача, бесспорно, была на стороне Унгерна: численность его дивизии едва превышала полторы тысячи человек, и всё же ее бойцам удалось сломить сопротивление восьми тысяч китайцев.

3 февраля город был взят, а Джебцзун-Дамба-хутухта освобожден. Унгерн созвал в Ургу монгольских князей и высших лам для того, чтобы провести официальную церемонию восстановления монгольской автономии. 22 февраля 1921 года восьмой Богдо-гэгэн с большой пышностью был коронован как Богдо-хан (хан всех монголов), а его спаситель произнес вдохновенную речь на языке Чингисхана (ок. 1155–1227) и его потомков, в которой вспомнил лучшие времена Великой Монголии и заверил собравшихся, что после установления в стране теократии слава непременно вернется на эти земли снова. Сам Унгерн был пожалован высшим княжеским титулом цин-вана, князя первой степени, со званием «Дающий развитие государству великий герой-командующий». С тех пор барон не снимал с себя желтый княжеский халат с нашитыми на него погонами русского генерала. Конечно, на всю эту церемонию можно было бы посмотреть как на средневековый спектакль или фарс эпохи Брежнева (1906–1982), но на самом деле и для Унгерна, и для монголов все происходящее было очень серьезно...

Баронское достоинство было пожаловано роду Унгернов шведской королевой Христиной (Kristina, 1626–1689) в 1653 году

От ефрейтора до генерала

Барон Роман Федорович Унгерн родился в семье эстляндского помещика. Согласно семейным преданиям, его род происходил из Венгрии и был очень древним: первые Унгерны принимали участие еще в крестовых походах. Приставка Штернберг появилась позже, когда Унгерны перебрались на север Европы. Естественно, все мужчины из столь славной семьи выбирали себе военную карьеру. Так же было и с Романом. В 17 лет его определили в петербургский Морской кадетский корпус. Но тут началась русско-японская война, и юноша ушел добровольцем на фронт. Вскоре за проявленную храбрость в бою он был произведен в ефрейторы. Вернувшись домой, юный барон поступил в Павловское военное училище, после окончания которого (1908) попросился служить в Забайкальское казачье войско. Выбор был не случаен. По словам Романа, он всегда питал интерес к буддизму и буддийской культуре. Якобы это увлечение он перенял от отца, а тот, в свою очередь, от его деда. Барон утверждал, что последний много лет пиратствовал в Индийском океане и принял религию, основанную принцем Шакьямуни (623–544 до н.э.).

Однако по ряду обстоятельств Первую мировую войну барон встретил не с забайкальцами, а в 34-м Донском казачьем полку. Проявив исключительную смелость, за три года боев Унгерн был награжден пятью орденами, в том числе и офицерским Георгием, которым гордился больше всего. Это была его первая награда, полученная за бой у хутора Подборек (Польша) 22 августа 1914-го, в то время, когда разбитые в Восточной Пруссии русские войска спешно отступали. В тот день под перекрестным артиллерийским и пулеметным обстрелом с обеих сторон Унгерну удалось подползти к немецким позициям на четыреста шагов и в течение нескольких часов корректировать огонь русских батарей, передавая данные о передислокации противника.

В конце первого военного года Унгерна перевели с повышением в 1-й Нерчинский казачий полк, в подчинение к знаменитому Петру Врангелю (1878–1928) (кстати, песня «Белая гвардия черный барон» — это

не о Врангеле, а об Унгерне).

Октябрьская революция 1917 года застала Унгерна уже в Забайкалье, куда тот был командирован вместе со своим близким другом есаулом Григорием Семеновым (1890–1946) для создания добровольческих частей из бурят. Унгерн сразу активно включился в боевые действия против красных. Вскоре ставший атаманом Забайкальских казаков Семенов произвел его в генералы и сделал командиром Иностранческой конной дивизии, размещенной у станции Даурия, недалеко от границы с Монголией. В задачу барона входил контроль за железной дорогой из России в Китай. По словам Михаила Торновского, одного из офицеров Унгерна, *генерал в Даурском районе являлся почти полноправным хозяином, творя много темных дел [...] Едва ли кто из большевиков благополучно миновал станцию Даурию, но, к сожалению, немало погибло и мирных русских людей. С точки зрения общечеловеческой морали, станция Даурия — черное пятно на Белом движении, но в мировоззрении генерала Унгерна это оправдывалось теми высокими идеями, коими была полна голова барона.*

Так продолжалось два года — 1918 и 1919-й. Но 1920-й оказался несчастлив для белых: армия Александра Колчака (1874–1920) была разгромлена, и ее остатки отступали на восток. Осенью того же года Семенов ушел в Маньчжурию, а Унгерн, переименовав свое войско в Азиатскую конную дивизию, — в Восточную Монголию, в Цэцэнхановский аймак (область). К удовольствию генерала, многие монгольские князья были рады его приходу. В русских они видели единственное спасение от произвола китайских солдат. Азиатская дивизия Унгерна сразу получила пополнение и продовольствие. Всего в ней сражались представители шестнадцати национальностей: русские казаки, буряты, монголы, татары, башкиры, китайцы и даже японцы. Все добровольцы. В октябре 1920-го барон двинулся на Ургу.

Чем закончилась операция — мы уже знаем, так же как и то, что взятие монгольской столицы воспринималось генералом Унгерном как нечто большее, нежели обычная тактическая победа. На самом деле речь здесь шла о тех самых целях, о которых вскользь упомянул Торновский, заставлявших барона жестоко расправляться в Даурии со всеми, в ком он угадывал сочувствие красным.

Когда монголы спасут мир

По своему масштабу планы Унгерна вполне сопоставимы с планами Чингисхана. Он уже не первый год вынашивал идею создания Срединного, или Центрально-Азиатского, государства, в которое вошли бы Внешняя Монголия, или Халха (современная Монголия), Западная и Внутренняя Монголия, Урянхайский край (Тува), Синьцзян, Тибет, Казахстан, Маньчжурия и Южная Сибирь — огромная территория от Тихого океана до Каспия. Управлять им, по мысли барона, должна была маньчжурская династия Цин, потерявшая китайский престол десять лет назад. Для реализации этой цели Унгерн пытался наладить контакт с китайскими аристократами, преданными экс-императору Поднебесной Пу И (1906–1967), который жил в те годы в своем пекинском дворце на правах иностранного монарха. Вероятно, именно с этой целью летом 1919 года барон, не терпевший женского общества, сыграл в Харбине по христианскому обряду свадьбу с маньчжурской принцессой Ци Чжанкуй, которая стала Еленой Павловной Унгерн-Штернберг. Но вместе супруги почти не жили. Спустя два года они развелись.

Триумфальные ворота Зимнего дворца монгольского Богдо-хана в Урге были построены в 1912 году как символ автономии Внешней Монголии от Пекина.

Хотя, надо сказать, что национальность правителя Срединного государства для Унгерна была не столь уж принципиальна. Пу И просто оказался в нужное время в нужном месте. Барону монархия была необходима как

общий принцип организации общества, и его вполне можно назвать монархическим интернационалистом, горящим лютой ненавистью ко всем, кто представлял опасность для самодержавия, какой бы страны это ни касалось. В его глазах революция представлялась результатом корыстных замыслов погрязших в пороке людей, стремящихся уничтожить культуру и мораль.

Единственно, кто может сохранить правду, добро, честь и обычаи, так жестоко попираемые нечестивыми людьми — революционерами, — рассказывал барон во время допроса у красных, — это цари. Только они могут охранять религию и возвысить веру на земле. [Ведь] люди корыстны, наглы, лживы, они утратили веру и потеряли истину, и не стало царей. А с ними не стало счастья [...] Самое наивысшее воплощение царизма — это соединение божества с человеческой властью, как был Богдыхан в Китае, Богдо-хан в Халхе и в старые времена русские цари.

Барон был уверен в том, что монарх должен находиться вне какого-либо класса или группировки, выполняя роль равнодействующей силы, опираясь на аристократию и крестьянство. Но, пожалуй, не было в России консерватора, начиная с XVIII века, кто бы не воскурил фимиам идее спасения общества через возвращение к традиционным ценностям, хранимым русскими крестьянами — «народом-богоносцем». Однако Унгерн можно назвать кем угодно, только не эпигоном. Говоря о крестьянстве, барон имел в виду не русских мужиков. По мнению генерала, «в массе своей они грубы, невежественны, дики и озлоблены — ненавидят всех и вся, сами не понимая почему, подозрительны и материалистичны, да и без святых идеалов». Нет, свет должен прийти с Востока! На допросе речь барона была негромкой, но уверенной, почти жесткой:

Восток должен непременно столкнуться с Западом. Культура белой расы, приведшая народы к революции, сопровождавшаяся веками всеобщей нивелировкой [...] подлежит распаду и замене желтой культурой, образовавшейся 3000 лет тому назад и до сих пор сохранившейся в неприкосновенности.

В глазах Унгерн монголы были как раз тем народом, который счастливо совмещал в себе и верность традициям предков, и силу духа, не развращенного соблазнами индустриального общества.

Карма «гневногo палача»

Однако барон был далек от мысли строить идеологию нового государства исключительно на буддизме — возможность религиозного синтеза его совсем не смущала. Но в самом бароне от религии Христа почти ничего не осталось: ни смирения, ни любви, ни страха Божьего. Да и воспринимал он себя сам как северобуддийского докшита («гневногo палача» по-тибетски). Есть в ламаизме класс таких существ — гневных защитников правды, безжалостно уничтожающих всех ее противников. Они почитаются святыми, равно как и бодхисатвы. Им тоже до ухода в Нирвану осталось лишь одно перерождение, но они не уходят в царство вечного покоя, а остаются на земле, среди страданий, и стараются помочь тем, кто окончательно запутался в сетях этого иллюзорного мира. Считается, что докшиты появляются тогда, когда сострадание бодхисатв оказывается бессильным. Вот Унгерн как раз и был одним из таких. Причем это не метафора, монголы действительно считали барона воплощением разрушающей силы, призванной охранять добро. Генералу это нравилось. И не только потому, что по складу характера он был мистиком, но и потому, что так получала оправдание его звериная жесткость. Барон ничуть не сомневался, что после смерти его ждет блаженство, уготованное буддийским святым.

Отдать приказ повесить, расстрелять или зарубить человека ему не стоило ничего. Иногда было достаточно попасть под горячую руку. Но даже если наказание оказывалось заслуженным, его жестокость однозначно свидетельствовала о психической патологии барона. Так, интендант, подмочивший несколько мешков с мукой, был утоплен. Прапорщика Чернова, застрелившего спяну двух казаков, сутки продержали на льду, потом дали 200 ташуров и под конец заживо сожгли. Сохранился рассказ о «милой привычке» Унгерн даурских времен. Тогда всех расстрелянных отвозили на ближайшие сопки и бросали без погребения. По воспоминаниям одного из унгерновских офицеров, *с наступлением темноты кругом на сопках только и слышен был жуткий вой волков и одичавших псов. И вот на эти сопки, где всюду валялись черепа, скелеты и гниющие части обглоданных тел, и любил ездить для отдыха барон Унгерн.*

На глазах барона его молодцы могли разрывать на части грудных детей — он ничего не имел против. Он вообще любил присутствовать при пытках. В частности, с удовольствием смотрел, как поджаривают на медленном огне очередную его жертву, не желавшую по-доброму рассказать, где спрятано золото или провиант. Поэтому, когда монгольская одиссея барона уже подходила к концу и смертные приговоры выносились им направо и налево, некоторые офицеры, получив приказ явиться в ставку к «дедушке» (как между собой называли Унгерн), спешно седлали коня и исчезали в неизвестном направлении. Счастливы были те, кого обошла эта чаша, кому за небольшую провинность «всего лишь» пришлось поздней осенью

переплывать в одежде реку и ночевать на другом берегу, не разжигая костра, или просидеть в пургу сутки на дереве.

Унгерн на допросе в штабе 5-й советской армии. Перед казнью он изгрыз свой Георгий, чтобы тот не достался врагу

Жертва лам-прорицателей

По весне 1921 года барон, уверенный в поддержке крестьян Южной Сибири, собрался продолжить борьбу с красными. Выступили 20 мая: 7 тысяч сабель, 20 пулеметов и 12 легких орудий. Через два дня дивизия разделилась. Сам Унгерн командовал эскадронам в 2100 бойцов при 8 орудиях и 20 пулеметах. В его задачу входило взять Троицкосавск — городок на территории РСФСР (современная Кяхта, в двухстах километрах к югу от Улан-Удэ).

Штурм начался 6 июня. Красные закрепились на сопках вокруг города, с помощью пулеметов пытались поставить огневой заслон перед наступающими. Но дух Азиатской дивизии, ободренной успехами в Монголии, был высок как никогда. Барон лично обходил в полный рост под пулями растянутые цепи своих бойцов. Ему не было за них стыдно. Сопки взяли «на ура». Беспомощный Троицкосавск лежал в низине. Но развивать успех барон не стал. Это была большая ошибка: городской гарнизон не превышал и пятисот бойцов. Говорят, что суеверный генерал послушался лам-предсказателей, находившихся всегда при ставке, посоветовавших ему пока воздержаться от решительных действий. Как бы там ни было, дивизия отошла в лощину на отдых.

Следующим вечером красные предприняли контратаку и сбили патрули Азиатской дивизии с сопки. Барон вновь возглавил своих бойцов, и красноармейцы бежали. В 4 часа ночи все закончилось. Можно было продолжить наступление, но Унгерн пожалел людей: оставив на сопках китайцев, он отдал приказ всем остальным возвратиться в лощину и спать. Прошел час. Уснула лощина, уснули китайцы, выставленные в боевое охранение. В это время красноармейцы снова поднялись на сопки. От первых выстрелов желтолицая гвардия разбежалась, кто куда.

Тут же на горы выкатили пулеметы, и началось избиение спящей армии. Те, кто еще полтора часа назад бесстрашно шел в штыковую, теперь металась в темноте, беспомощно крича, давя друг друга и падая под копыта лошадей, испуганных вспышками бросаемых с сопки в лощину гранат. Погибло более четырехсот человек, все орудия были потеряны. Отряд барона спешно отступил. Спустя две недели он соединился с остальными частями дивизии. Месяц прошел в небольших стычках с красными, из которых унгерновцы неизменно выходили победителями. Так продолжалось до 8 августа, когда под Новодмитриевкой Азиатская дивизия столкнулась с броневиками. Без артиллерии они ничего не смогли сделать. Ситуация стала критической. Ургу, в которой осталось всего сотни две унгерновцев, к этому времени заняли части Красной Армии, и возвращаться туда на зимовку было невозможно. Барон собирался отправиться в Тибет. Но это

решение пришлось по вкусу далеко не всем. Дивизия начала разваливаться в считанные дни, бежали целыми отрядами. В конце концов против барона созрел заговор. Его схватили в ночь на 22 августа 1921 года. Что хотели с ним сделать — неизвестно. Монгольский отряд, конвоировавший плененного генерала, налетел на красных, и барон «достался» им. 15 сентября 1921 года его публично судили в Новониколаевске (Новосибирске) и в тот же день расстреляли.

Так окончил свои дни русский докшит. А Монголия стала первым оплотом социализма в Азии. Хотя, если бы не барон, она, вероятно, так бы и осталась китайской провинцией: у красных не было тогда сил, чтобы противостоять восьми тысячам китайцев.

Автор: Павел Котов © Вокруг Света ИСТОРИЯ, МИР 👁 6874 03.01.2010, 11:59 📌 553

URL: <https://babr24.com/?ADE=83141> Bytes: 19028 / 18344 Версия для печати

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Павел Котов**.

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)